

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ДИХОТОМИЯ "ПРАВО" - "ЛЕВО"

В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Автор: П. Н. ЛУКИЧЕВ, А. П. СКОРИК

ЛУКИЧЕВ Павел Николаевич - доктор социологических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов). E-mail: lukichev@inbox.ru. СКОРИК Александр Павлович - доктор философских наук, заведующий кафедрой Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасск). E-mail: s_a_p@mail.ru

Аннотация. На основе анализа языков индоевропейской семьи предпринята попытка выявления базисных социальных отношений и вариантов регулирования поведения человека в социальном пространстве. Определяются ментальные матрицы этнических реакций на обретение социальной целостности и нравственных ориентиров. Выявление смыслов этимологических гнезд слов нацелено на раскрытие возможностей нормативного регулирования индоевропейского мышления.

Ключевые слова: архетипы мышления * индоевропейцы * установки * междисциплинарные исследования * регулирование отношений * социальное пространство * акторы * этнический менталитет

В культуре каждого народа есть генерализирующие основания, которые не только дают представление об этом народе, позволяют понять этническое мироощущение, оценить истинную самобытность, но и выйти на более высокий уровень обобщения. Это принято называть в гуманитарной мысли диалогом культур. Мы предпринимая попытку рассмотрения истоков диалога культур, одновременно апеллируя к языку, традициям, менталитету индоевропейских народов. Стремимся ли мы к созданию социолингвистических моделей? Интересуют ли нас базовые конструкты политической ментальности этносов? Насколько устойчивы рассматриваемые нами языковые фреймы? Ответы на эти и другие вопросы попытаемся дать в настоящей статье.

Знаток романо-германских языков, исследователь социальной терминологии индоевропейцев Эмиль Бенвенист (*Бенвенист, 1995*) применил этимологический подход к изучению и реконструкции понятий, относящихся к отдаленному времени арийского языкового единства. Используемая им методология исследования характеризуется поиском ментально-интеллектуальных смыслов слов, имеющих общие корни, но принадлежащих сегодня к разным языкам одной языковой семьи, образных рядов близких по смыслу ассоциаций у носителей разных языков. Совпадение образных рядов с этой точки зрения убедительно свидетельствует о ментальной общности, помогает понять первоначальное множество смыслов, вкладываемых в слово-образ. Однако названная методология и результат ее применения, на наш взгляд, нуждаются в довольно существенных дополнениях, раскрывающих новые информационные поля.

Во-первых, Бенвенист привлекает для своего анализа славянские языки, которые на границе ареала распространения индоевропейских народов, в соответствии с известным лингвистическим законом, в наибольшей мере сохранили изначальные смыслы и характерную лексику древних ариев, что делает их объектом пристального внимания при подобном исследовании.

Во-вторых, использование этимологического гнезда слов, получивших различное значение в разных языках, не может дать полного представления о первоначальном смысле, если не привлекать к анализу не только образные, но и ассоциативные, и сонорно-ассоциативные ряды, возникающие вследствие звуковой близости слов.

При этом следует различать образные ряды, в духе Бенвениста, образованные на базе этимологического гнезда слов, ассоциативные ряды, связанные смысловыми пересечениями, но не имеющие корневого родства, и сонорно-ассоциативные ряды, возникающие при звуковой близости на основе этимологического родства или при его отсутствии.

В случае существенного совпадения образных рядов, очевидно, наличествует общность мыслительных процессов этнических сообществ. В этом плане даже неродственные языки могут показывать ментальное единство их носителей - архетипы мышления. А в случае несовпадения, напротив, - носители родственных языков демонстрируют явное различие сложившихся позднее менталитетов. Однако не менее значимо для гуманитарных наук, изучающих проблемы ментальности, возникновение ассоциативных и сонорно-ассоциативных рядов, совпадающих или расходящихся в разных языках, рядов, особенно наглядно проявляющихся в сновидческих образах. К примеру, *река - встреча - вода - речь*. В данном примере между *водой* и *речью* нет явного этимологического единства и сонорной близости, но они есть между *рекой* и *речью*, а потому видеть во сне воду означает в последующем истолковании человеческого сна вероятностное ожидание встречи и разговоров. К тому же, видимо, перед нами древнейший культурный архетип, возникший в те исторические времена, когда реки были основным связующим путем между удаленными областями, между локальными ядрами человеческой цивилизации. Другой пример: *деньги - это грязь, грязь - это кака* (т.е. по-гречески *грязь*; это лингвокультурное заимствование появилось в русском языке в X-XI вв.). Соответственно, видеть во сне фекалии - значит ожидать поступления денег, как это ни удивительно с точки зрения этики человеческого мироощущения. В той же плоскости сновидческой этимологии вполне можно истолковывать видение человеком во сне хлеба. Слово хлеб является культурным заимствованием из остготского языка: *hie Leib* - жизнь. Первоначально, как и синоним слова *жито*, оно впоследствии стало основанием для витально-повседневного различения пшеничного и ржаного хлеба, но, с другой стороны, размышляя в определенной социокультурной плоскости, мы неизбежно устанавливаем, что без денег жизни нет, а, следовательно, видеть во сне хлеб - к деньгам.

Здесь презюмируется близость образов при отсутствии этимологического родства. Но чаще всего сонорно-ассоциативный ряд возникает на основе близкого звучания слов, которые имеют и общность происхождения, хотя воспоминание об этом со временем постепенно утрачивается и смыслы весьма существенно расходятся. Для примера, имеющего некоторое отношение к теме данной статьи, возьмем следующий словесно-знаковый ряд: *обман - обмен - подмена - мена - смешение - смех*. Особый интерес, по крайней мере, до глубины языковых пластов, поддающихся реконструкции на настоящий момент, представляет пересечение сонорно-ассоциативных рядов, каждый из которых образован на корневой основе, принадлежащей к разным этимологическим гнездам.

В-третьих, для лингвистики представляется важным и необходимым привлечение достижений других гуманитарных наук, в первую очередь, психологии и социальной психологии, без чего она становится ограниченной в исследовательских целях и результатах. С другой стороны, во многих социогуманитарных научных направлениях необходимо активнее использовать данные лингвистики. На наш взгляд, невозможно развитие исторических знаний, психологии, социальной философии, социологии культуры, политического менеджмента без привлечения филологического материала. Во всяком случае, исследование тематики национальных менталитетов, изменений ментальности этноса с течением времени и т.д. без изучения лингвокультуры проблематично.

Представляется необходимым применить концепцию установки (Д. Н. Узнадзе) к анализу этнической ментальности наряду с лингвистическими подходами, поскольку каждое слово, используемое в лексике языка, имеет смысловую семантику, несет фиксированные в нем поведенческие установки и аксиологическую нагрузку,

предопределяющие, например, базовые направления политического менеджмента, генерализующие основания политических систем и др. Психологические установки усваиваются не обязательно на фоне использования речи, как образцы поведения, содержащие цель действия и способы достижения цели. Их положительная (при достижении цели действия) или отрицательная (в случае, если цель остается недостигнутой) эмоциональная насыщенность закрепляет или табуирует имманентные способы достижения целей. Вторая сигнальная система подкрепляет и усиливает образцы действий одобрением, поощрением или порицанием, осуждением. Тем самым, речь напрямую участвует в формировании и актуализации поведенческих установок человеческой личности. С другой стороны, можно считать доказанным отглагольное происхождение всех других частей речи. Значит, любое слово (глагол, существительное, прилагательное, наречие, причастие) есть имя действия, которое служит пусковым механизмом какой-либо установки, по крайней мере, актуализирует подсознательные процессы, связанные с наличием психологической установки.

То, что характерно для онтогенеза личности, в не меньшей мере обуславливает передачу культурного кода в филогенезе. Словарный состав языка (его грамматику мы оставляем в стороне, лишь подчеркнув, что она также, а может быть, и в большей мере, несет психологическую нагрузку образов действия*), передаваемый по наследству следующим поколениям, ретранслирует совокупность установок. Его модификация, развитие, возникновение диалектов и разделение на несколько языков - процессы, которые не в состоянии ликвидировать установки, связанные со значением слов. Они могут наслоить на них новые установки, подавить и глубже "затолкать" в подсознание личности первоначальный смысл используемых слов, но полностью он не исчезает.

Тем самым направленность образных рядов, возникших на базе этимологического гнезда, свидетельствует о сохранении в расходящихся языках единства архетипов в отношении к окружающему миру. Сонорно-ассоциативный ряд презентрует совокупность поведенческих установок, которые могут оказывать влияние на изменение словарного состава языка. Например, в молодежном сленге современного русского языка понятие *стрелка* оказалось совмещенным с понятием *встреча*, причем на основе сонорной и этимологической близости в словосочетании *назначить стрелку* удачно складывается образ единства времени и места встречи. Напротив, в жаргоне "новых русских" использование слова *братва* оказалось неудачным в силу подсознательно положительного образа. Красивое санскритское (оно же - русское и праиндоевропейское) слово *bratva*, означающее общность родных, двоюродных и троюродных братьев, противоречит негативному образу криминальных авторитетов, в силу чего вытесняется другим производным *братюки* (в лексической повседневности ряда социальных групп звучит как *бандюки*). Приведенные примеры иллюстрируют действие на уровне подсознания психологических установок, наследуемых из поколения в поколение.

Прояснив структурно-функциональную и онтологическую композиционность нашего восприятия лингвокультуры индоевропейцев, сосредоточимся на базисной дихотомии "право" - "лево", на наш взгляд, полно раскрывающей позиционируемый частно-научный концепт. Среди слов, вошедших в социальную терминологию индоевропейских (и не только индоевропейских) языков, в силу актуализируемых ими психологических установок, находятся понятия *право* и *лево*, от которых возникают сонорно-ассоциативные ряды. Связанные с человеческим представлением об ориентационных направлениях (*спереди, сзади, справа, слева*), они в то же время имеют физиологическую и психологическую компоненты. Причем здесь неизбежно соседствует и социально-политический ассоциативный ряд, ряд образов-действий.

* Грамматический строй языка является отражением отношения к окружающему миру, он задает особенности восприятия человеком, погруженным в данную лингвокультуру, и природной, и социальной реальности.

Поскольку большинство людей на земле является правшами (около 85%), значимость правой руки, ее работоспособность и активное использование выше левой в силу специфики развития правого и левого полушарий головного мозга человека. Соответственно, правая рука отличается большей точностью и уверенностью движений; левая рука выполняет вспомогательные функции и выступает в подчиненной роли в действиях по отношению к другой составной части рассматриваемой пары и в социальном пространстве. Движения левой руки не столь точны, уверены, правильны (они - "левельны"). Ее действия требуют больших сознательных и волевых усилий. Поэтому левая рука *ловит*, прежде чем взять, а правая "берет", хватает сразу (*praendere* - лат. *брать*; в этом же ряду ит. *braccio* - *рука*). Даже понятие *ловкость*, находясь в одном этимологическом гнезде и сонорно-ассоциативном ряду с *лево*, определено первоначальным недоверием к результату. Это недоверие лежит и в основе понятия *ловить* рыбу или зверя. *Поймать*, значит иметь в руках, *ловить* - неопределенность, вероятность возможного. Понятия, соотнесенные с *право*, всегда несут положительную аксиологическую нагрузку, всё естественное получает на уровне оценочных суждений значение *правого*, соотнесенные же с *лево* могут иметь как позитивный, так и негативный смысл (сравните: *ловкость* и *ловкачество*), но всегда - с оттенком искусственности, незавершенности, несовершенства. В некотором смысле исключение составляет распространенное, исторически сложившееся дихотомическое деление политических партий на правые и левые. Однако на уровне психологического отношения к обозначенным терминам оно также соответствует представлению о правых партиях как защищающих естественный порядок вещей, существующий в стране, государстве порядок, и о левых политических силах - стремящихся к радикальным переменам.

В силу лингвокультурной значимости дихотомия *право* - *лево* становится не только понятийным аппаратом для ориентации человека в пространстве вообще, но и выступает фундаментально-категориальным началом организации социального пространства. Так, в этимологическое гнездо с *право* самоочевидно входят понятия *править*, *управлять*, *правило*, *правильно*, *правитель*. Мы явно имеем дело с архетипом, поскольку в индоевропейских языках соответствующие образные ряды оказываются конгруэнтными: *recht* - *Reich* - *regen* - *regel* *maBig* - *Regierung* (нем.: *право* - *царство* - *двигать* - *правильно*, *регулярно* - *правительство*), *regere* - *regnare* - *regula* - *recte* - *rex*, *regis* - *directia* (лат.: *править* - *управлять* - *правило* - *правильно* - *царь*, *правитель* - *правление*, *управа*).

Среди понятий, производных от *право*, находится и существительное *Право* - как совокупность неотъемлемых и естественных требований, предъявляемых человеком к социальному окружению, которые оно не может отклонить и не учесть, потому что это *правильно*. Такой же образный ряд существует и в романо-германских языках: *recht* - *Recht*, (нем.), *right* - *Right* (англ.). *Правитель* (*rex*, *Reich*), не побоимся некоторой лексической тавтологии, есть тот, кто *управляет* на основе *Права*.

Дихотомия *право* - *лево* должна иметь продолжение в противопоставлении соответствующего понятия *Праву*. Но так же, как *право* и *лево* не являются абсолютными противоположностями - они отражают наличие общей направленности действия по отношению к зрительному полю - понятие *Право* должно иметь однонаправленную его содержанию понятийную противоположность. Такой противоположностью выступает понятие *Закон*, имеющее с ним и общий предмет и противопоставленность. Раскрыть содержание *Права* можно только в противопоставлении его *Закону*.

Если *Право* соотнесено с *право*, то *Закон* соотнесен с *лево*. Это особенно явно в дихотомии *Right* - *Law* (англ.). С другой стороны, в русском языке *Закон* не столь очевидно соотнесен с *лево*. Он очерчивает социальный круг, границы действия *Права* и *Закона*. *Закон* есть "за-кон" (с корневым *кон*) - то, что "за коном", т.е. за родовым коллективом. Тем самым выявляется пространственная область действия *Права*: в пределах рода (родовой общины, коллектива родственников), *Право* регулирует социальные отношения внутри рода. "Естественное" и "неотъемлемое" не требует спе-

циального оговаривания и достижения некоего соглашения. Это - изначальная, естественная данность, признаваемая всеми членами родовой общины, которая, тем самым, выступает совокупностью традиций (не очень удачное слово, поскольку "традиция" - дословно "пересказывание", более точно - *Право* есть совокупность обычаев) - не требующих озвучивания правил общежития, бытия в коллективе, социального бытия.

То, что *Право* однозначно связано с родовым коллективом, видно из сохранившегося до настоящего времени характерного представления о *правом*, как едином с семейной организацией, и *лево*, как некотором отклонении (в известном смысле традиционной девиации) от правильного семейного поведения (напр.: "идти налево", "гулять налево"). Механизмы подсознания воспроизводят возникшие в древности установки, сохраняя архетипичность подходов к оценке и восприятию окружающего мира. Если связь понятий *право* и *род* в русском языке не выражена непосредственно, то между *recht* и *род* такая связь очевидна ввиду известного перехода *к - х - г - ж* (скажем, *рожать - рождать* высвечивают наличие первоначального глухого призвука *г* после носового гласного звука перед *d-t*).

Связь *Law* с понятиями *Закон* и *лево* высвечивается при сравнении таких понятий человеческого родства, как *brother-in-law*, *sister-in-law*- дословно "брат-в-законе" (брат-слева), "сестра-в-законе" (сестра-слева) - с русской терминологией родственных отношений, где шурин (от "ошую" - слева) - брат жены, золовка (от "лов", этимологическую связь которого с *лево* мы уже видели) - жена брата для его сестры, братнина жена, а также сестра мужа.

На *Право* и *Закон* как противоположности, имеющие общее направление нацеленности на регулирование социальных отношений, переносится оценочная установка *право - лево* в виде противопоставления естественного и искусственного. Если правовые установления - естественная данность (правовой архетип), то положения закона суть принятые, достигнутые соглашения, обязательные для соблюдения (позитивное право, реализующее государственную волю). *Право* и здесь высвечивает свою сущность, поскольку обязательность выполнения достигнутых договоренностей основывается на правовой норме доверия. Тем самым *Закон* в противоположность *Праву*, действуя в отношениях между родовыми коллективами и племенами, есть соглашение о нормах отношений, в эпоху индоевропейского языкового единства - соглашение между родами и племенами о регулировании отношений между ними, их представителями, членами (ипостась обычного права). Так обстоит дело и сегодня, когда речь идет о внутрисемейных проблемах: целостность семьи не требует опоры внутри нее на положения закона (здесь по сей день действуют известные с родовых времен монопольные нормы), напротив, при распаде семьи окончательно споры могут быть разрешены только при опоре на закон (действующие нормы семейного права). Пока права родственников не вступают в противоречие, их интересы опираются на то, что каждый имеет *Право* и действует с учетом прав других лиц. Столкновение интересов: каждый "имеет *Право*", при этом каждый действительно прав и на этом основании нисколько не желает уступить другому, - требует согласования с помощью *Закона*. Таким образом, *Закон* обязан происхождением нормам межродового (международного) *Права* и по отношению к *Праву* выступает вторичным, производным явлением. Одновременно *Закон* есть позитивное право, исходящее от государства и подкрепляемое государственным принуждением.

Право не требует толкования, а *Закон* требует (независимо от национальной правовой системы) уточнения в применении к конкретному случаю по известному принципу "куда повернешь, туда и вышло". *Право* исходит изнутри, поэтому: "Я имею *Право*!" *Закон* задан извне, поэтому: "Мне положено по *Закону*!" Но "я имею *Право*" и "мне положено по *Закону*" - как говорят на известном Привозе, две большие разницы. Можно иметь *Право*, но вступить в противоречие с *Законом*. Можно действовать по *Закону*, но не иметь *Права* (например, высказывание: "Вы не имеете права!"). Исключение, пожалуй, представляет собой "законное право" (в высказывании: "Это мое законное

право!"), когда действие и *Права, и Закона* совпадают, но, тем не менее, *Право* нарушено, ибо "законное право" всегда субъектно ориентировано, как бы мы не хотели этого избежать. Не случайно в теории права принято говорить в связке о субъективном праве и законном интересе. И если у кого-то возникает право, то у иной стороны (сторон) появляется обязанность, по определению правом не являющаяся. Так, бесправие - это генерализующая оценка положения народа (рода), который грабят в соответствии с действующим законодательством, но беззаконие - это зачастую бунт возмущенного бесправием народа.

То, что внутри рода не требует специального установления - это сложившиеся естественным путем обычаи. Они выступают как верные (*vero* - лат. *правильно, верно*), истинные (*Veritas, veritatis* - лат. *истина*), естественно данные. Напротив, то, что складывается в отношениях между родами, племенами, общинами и их представителями, требует специального оговаривания.

Мы не были бы достаточно последовательны, если бы не обратили внимания и на другую этимологическую возможность интерпретации понятия *Закон*. По крайней мере с IV века н.э. родственные в языковом отношении племена восточных славян и остготов находились в тесном взаимодействии между собой, что обусловило взаимообогащение словарного состава расходящихся языков. Остготский глагол *gasakan* (запрещать) [Готский словарь, 1978] был производным от *saken* (*sagen* - говорить). И в этом случае мы приходим к противопоставлению естественности *Права* и искусственности *Закона*.

Между тем *право* находится в одном сонорно-ассоциативном ряду и в одном этимологическом гнезде с понятием *прямо*. Перед нами ассоциация архетипического порядка, поскольку то же мы наблюдаем и в других языках: напрямую в немецком *-recht* и *direct* (*право, прямо*), косвенно в латинском - *rex, directus, erectus* (*правитель, прямой, прямой*). Не менее очевидна ассоциативная связь *правильный - верный - прямой*; так в русском языке мы ассоциируем их, говоря *правильный* или *верный* и подразумевая *прямой*.

Естественно, как *право* находится в дихотомии с *лево*, так и *прямо* должно иметь свою противоположность. И если *право - лево* однонаправленные противоположности, то и противоположным понятию *прямо* должно быть такое понятие, которое однонаправлено с ним в представлении, в образе. Таковым не является *криво*. Через ассоциативное соотношение *прямой - верный - правильный*, и памятуя о том, что *vero* (лат.) означает *правильный, верный*, а его производное - *вертикаль*, мы приходим к противопоставлению *вертикальный - горизонтальный*, из чего понятно: однонаправленная противоположность *прямо* есть *лежа*. Между прочим, на этой дихотомии основывается представление и понятие *прямой угол*. *Прямо* есть то, что поставлено, *лежа* - то, что положено. Небезынтересно в этом плане употребление словосочетаний *правовые установления*, но, непременно, *положения закона*.

Соответственно, если *право* и *прямо* ассоциируется с родовыми обычаями, то *лево* и *лежа* ассоциируется с межродовыми и межплеменными взаимодействиями, с тем, что требует регуляции не на основе устоявшихся обычаев (обычного права), а на сговоренности и согласовании, ввиду различий родоплеменных традиций (фиксированного, чаще писаного права).

Корень слова *лог*, таким образом, имеет непосредственное отношение к словесному согласованию, его естественно содержит слово *с-лог*, как, впрочем, и само *слово*, он присутствует в *lingua* (лат. *речь, язык*) и в *λογος* (греч. *слово*). Последний случай интересен в силу связи с *lex, legis* (лат. *закон*), где есть этот корень. Таким образом, вырисовывается психологический архетип, в котором *Закон* есть то, что сказано, изложено - по принципу: "Ибо сказано...". Кем сказано, когда сказано - неважно, потому что много раз повторено. Важно следующее. "Ибо сказано..." чаще всего привлекается для подтверждения истинности, для оправдания действий. Но если действия нуждаются в оправдании и в ссылках на авторитетность когда-то сказанного, следовательно, существует сомнение в истинности, в правильности таких действий.

А если действие неверно, неправильно, то оно *ложно*, и слово *ложь* будет содержать корень *лог*. Мысль верна, прямолинейна, праведна, она истинна в силу ее "внутренности" для человека, который понимает ее генерализованный образ. "Мысль изреченная есть ложь", так как слово не может передать глубины мысли и обращено вовне, где каждый истолковывает ее в меру своей осведомленности и желания ее понять, не говоря уже о наличии или отсутствии изначального стремления интерпретировать близко к исходному.

Другой аспект понятия *лежа* определен генетической связью корней *лог* и *лад*. *Сложить* и *складывать* - однокоренные слова. Но *лад* есть гармония, согласованность в последовательности частей. Бог *Ладо* у древних славян - бог внешней красоты, "ладной слаженности" в отличие от *Хорса*, который есть бог богатства. *Ладно* - это согласие с определенной оговоркой, согласие внешнее и чаще всего вынужденное. *Хорошо* - это согласие полное и без оговорок, внутреннее принятие ситуации, согласие, обеспеченное имеющимся богатством. Соответственно, то, что мы имеем в отношении к *Закону*, характеризуется изначальным представлением о вынужденности подчинения силе при сохранении убежденности в изначальной правоте.

Мы видели подтекст понятия *Закон* (остгот. *gasakan* - *запрещать*, современное нем. *Untersagung* - *запрет*), состоящий в запретительной силе. "Ибо сказано..." имеет продолжение либо в виде "ибо сказано, не...", либо в непосредственно императивном виде без отрицания, которое подразумевается. Моисей преобразовал прошедшее время глаголов египетского Некрономикона, или Древнеегипетской Книги мертвых ("Я не убивал, я не грабил..." и т.д.), в повелительное наклонение ("Не убий, не укради..." и т.д.), из бытийствования породил заповеди; модель поведения превратилась в норму. Требование Зороастра: "добрая, мысль, доброе слово, доброе дело" - не просто руководство к действию, оно содержит запрещение действий, не соответствующих данной рекомендации. Когда Христос говорит: "Благословляйте проклинающих вас, молитесь за ненавидящих вас, милосердствуйте гонящим вас", он одновременно вводит смысл нравственного осуждения неподобающих действий.

Вообще, эпоха осевого времени в силу демографического роста населения заставляет не только переходить к производящему хозяйству, но и объединяться в союзы племен, в союзы союзов для защиты от внешних врагов и "превентивных" военных действий. Такое объединение предопределяет формулирование принципов сосуществования, согласовывая родовое *Право* каждого из родов с родовыми правами всех других. Следствием этого процесса становится провозглашение общечеловеческих нравственных норм, содержащихся в родовом *Праве* каждого из родов: если общество санкционировало право индивида на жизнь, оно взяло на себя обязательство обеспечения других вытекающих отсюда прав человека. Признание человечности за каждым человеком, независимо от родовой принадлежности ("несть эллина и несть иудея"), представляет собой перенесение принципов родового (обычного) права с родственников на всех людей вообще, что приводит к формулированию категорического императива нравственного *Закона* (общепризнанных норм международного права, в частности во Всеобщей декларации прав человека 1948 года). Но *Закон* в данном случае представляет собой только рекомендательно-запретительные принципы совместного бытия, которые нуждаются в конкретизации по отношению к каждому случаю, что собственно и есть *Закон* в полной мере его понимания. Однако уже нравственный *Закон* ставит ограничения на реализацию *Прав* индивида посредством необходимости соблюдения *Прав* всех других индивидов. В этом явственно видно различие *Права* и *Закона*: *Право* позволяет, *Закон* запрещает. Независимо от того, имеем ли мы дело с кодифицированным правом (представляющим собой право, состоящее из иерархически выстроенных норм и принципов, созданных законодателем и применяемых уполномоченными на то государством органами и должностными лицами) или прецедентным правом (право, состоящее из норм и принципов, созданных и применяемых судьями в процессе вынесения ими решения), суть состоит в том, что

Право - это довольно узкий коридор допустимого (целесообразного) поведения, стенки которого - *Закон*, запрещающий выход за "флажки".

Есть нюанс, чрезвычайно важный, в соотношении нравственного *Закона* и законодательства. *Закон* человеческий не должен находиться в противоречии с нравственным *Законом*, т.е. общими принципами совместного бытия. Только в этом случае он будет исполняем. К сожалению, законодатели чаще руководствуются в законотворчестве не нравственными установками, а интересами социальных группировок, которые за ними стоят. Последнее нарушает функционирование социальной целостности, что понимал Хаммурапи, создавая *Закон* не в интересах "правлящей верхушки", как иной раз считают историки и юристы, а в интересах "согласования интересов" и обеспечения стационарности режима функционирования социальной целостности созданного им государственного объединения. В силу своего запретительного (лучше - ограничительного) характера *Закон* не может не ущемлять *Права* одних, но не ради обеспечения *Прав* других, а ради обеспечения *Прав* каждого человека, независимо от принадлежности к той или другой социальной группе. Тем самым право одного всегда есть обязанность другого.

Закон человеческий не совершенен по определению. С его несовершенством мирятся в той мере, в которой он обеспечивает сохранение целостности общественного организма. Поэтому особенно важно, чтобы принимаемые законы не противоречили друг другу и, между прочим, самим себе, требуя многочисленных комментариев. Следует полагать необходимым при создании в России (как стране кодифицированного права) законов проведение их логической экспертизы и, что не менее значимо, экспертизы филологической, поскольку законодатели формулируют положения законов, не задумываясь о том, как они будут поняты и истолкованы, употребляя юридический понятийный аппарат без соотношения с ментальной спецификой, с психологическими установками, скрытыми за фасадом языковых символов народов, проживающих в стране.

В этом отношении раскрывает себя еще один этимологический момент связи *Право* - *Закон*, на этот раз противоположность, а именно *право* - *вина*, *правый* - *виноватый*. Если с понятием *Право*, думается, более или менее понятно, то понятно должно быть и то, что *Вина* противопоставлена и *Праву* и *Закону*. Строго следуя принятым принципам анализа, обращенным к наследуемым индоевропейцами установкам, следует признать понятие *Вины* возникающим исключительно в межродовых (международных) отношениях. Перед родом у его члена нет *Вины*, он всегда прав, когда дело касается отношений между родами. Но их вынужденное сосуществование в объеме общественной целостности требует согласования интересов, и в случае возникновения конфликта - выяснения (ставшего извечным российским культурным архетипом) вопроса: "Кто прав и кто виноват?"

Первоначальное значение слова *Вина* хорошо видно из сопоставления итальянского *vincolo* (обязательство), которое производно от латинского *vinculum* (оковы), со славянскими аналогами: корень *vin-* раскрывает себя в глаголе *vincire* (вязать, связывать), а *colo* производно от *коло* (круг, собрание). Тем самым *обязательство* является дословным значением *vincolo*. Подтекст *связи* очевиден также из сопоставления славянского *вена* и латинского *vena* (жила). Наши далекие индоевропейские предки, знавшие анатомию на практике и использовавшие жилы животных в качестве связующих средств при соединении частей инструментов, обозначили так часто применяемый ими материал. То же в немецком - *winden* (вить, плести) и *wenden* (вращать, поворачивать). Первоначальный смысл *Вины* раскрывает себя и в ее каузальном значении связи причины и следствия: нижненемецкое *wente* - *ибо, потому что*, английское *why* - *почему*, готское *hwanan* - *поэтому*.

С другой стороны, следует признать наличие смысла *Вины* в сонорно-ассоциативном ряду *Feind* (нем. *vrag*), *winnan* (древневерхненемецкий - *бороться, состязаться*), *winner* (англ. - *победитель*), *vincere* (лат. - *побеждать*), *vendetta* (ит. - *месть*), *vengeance* (англ. - *месть*), *venial* (англ. - *простительный*), *venia* (лат. - *прошение*). В

этом же сонорно-ассоциативном ряду славянское слово *воина* вместе с древнесаксонским *wig* и скандинавским *wic* (*война*).

Тем самым перед нами определен образ *Вины* того, кто виновен уже потому, что враг, которому следует мстить и которого надо победить, и, как говорится, "пусть неудачник плачет", т.е. *платит*. При этом месть является извинительной причиной для того, чтобы не считаться с *Правом* противника. Если же спор о *правом* и *виноватом* идет между соплеменниками, он должен быть разрешен в состязании на "суде божьем", т.е. в ходе физического противостояния, или по соглашению между спорящими, по *приговору*, через *наказание* (т.е. объявленное, изреченное, сказанное) посредством уплаты *вено* (что и дает прощение) или осуществления казни (т.е. сказанного). Само слово *платить*, *продавать*, *менять* в романо-германских языках тоже производно от *ven-* - *vendere* (лат.), *wenden* (нем.), что связывает их с обычаем уплаты *вено*. Отступление от *Законов* морали неизменно грех, тем не менее грех может быть искуплен принесением жертвы. Вина перед *Законом* человеческим есть преступление, преступление должно быть наказано посредством уплаты *вено*. Однако при этом *Закон* определяет меру вины и, соответственно, меру наказания. В этом аспекте *Закон* осуществляет не просто воздаяние, он мстит, и мера наказания неизбежно есть мера мщения, которое обращается зачастую на невиновных: Один был без греха и того распяли, в соответствии с римским законодательством.

Но уплата *вено*, осуществление *казни* должны иметь установленное время, поскольку необходимо некое утверждение срока при согласовании совместных действий. В этом отношении показательно (без какого-либо заимствования) общее поименование Венеры в латинском и славянских языках. Номинатив *Venus* (G. *Veneris*) явно указывает на корень *ven-* и привязывает имя планеты к древнему индоевропейскому обычаю приводить наказания и приговоры в исполнение в момент утреннего или вечернего появления на небе Венеры. Впрочем, известная ассоциация Венеры у всех без исключения народов с "любовью" также определена, по-видимому, привязкой к условленному времени встречи возлюбленных.

Dura lex, sed lex - латинское слово *dura*, между прочим, является однокоренным русскому *дура*, и это показывает неразрывное единство в представлении древних индоевропейцев понятий *суровый*, *жестокий* и *дурной*, *плохой*. Жестокый человек - дурной человек. Жестокый закон, вне всякого сомнения - плохой закон, но это - закон. Логика этого образного ряда с неизбежностью содержит эпифеноменальный контекст: милосердие выше закона. Прощение без наказания и воздаяния справедливее самого законного права возмездия. Принципиальная проблема в этом случае остается в виде обязанности, ибо прощенный безвозмездно оказывается имеющим моральную обязанность, *vincolo*.

С другой стороны, связь понятия *vendere* с обменом, торговлей показывает *вено* как взаимное принесение извинений, из практики которого рождается индоевропейская интерпретация того, что в науке получило ирокезское название *потлача*, - способа сдерживания социального имущественного расслоения, и сохранилось по нынешний день в виде устройства различных семейных праздников и обмена подарками.

Данное явление естественно вводит отношение *право-лево* в состояние подмены одного другим. При сознательном осуществлении этой подмены, очевидной для всех социальных акторов, участвующих в коммуникативном акте, она выступает как вызывающая смех. Это - смешение *правого* и *левого*, *вертикального* и *горизонтального* представляет собой комическую, юмористическую, сатирическую ситуацию, вследствие чего все смешное оказывается построенным на смешении, на подмене, на сознательном и очевидном обмане. Этимологически понятно, что *обман*, *подмена*, *смешение*, *смех* определенно основаны на общей корневой системе и образуют сонорно-ассоциативный ряд.

Как массовое социальное явление, данное смешение *правого* и *левого* выступает в образе "сатурналий", карнавала, в смысле М. М. Бахтина [Бахтин, 1990], праздником освобождения от социальных условностей, выходом в иные пространственно-времен-

ные формы, позволяющие представить реальность в искаженно-исправленном виде. Это на время снимает сложность социальных противоречий и смягчает существующие конфликты. Но это совсем другая тема.

Таким образом, лингвокультурная дихотомия "право" - "лево" дает адекватное представление об устойчивых архетипах социальной регуляции индоевропейцев, контент которой имеет знаковый характер для многих современных народов. Образные, ассоциативные и сонорно-ассоциативные ряды лингвокультуры с содержательным наполнением в виде лексических единиц, текстов, ментальных матриц становятся социальным средством формирования человеческого "Я", "Мы", "Они", и, соответственно, "Свой", "Чужой", "Другой", объединяющих различные варианты (формы) имени субъекта и граней его личности в условиях данной общности в ряду с множеством социальных общностей. Глубина и масштаб социальной регуляции, завися от того, по отношению к чему (кому) мы хотели бы проследить воздействие лингвокультурных матриц, скажем, к правовым отношениям, или же тактике групп интересов. А пока, как говорится, *dixi et animam levavi!*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с франц., общая ред. и вступ. статья акад. *Ю. С. Степанова.* М.: Прогресс - Универс, 1995.

Готский словарь // Хрестоматия по истории немецкого языка / Сост. Н. С. Чемоданов. 2-е изд., доп. М.: Высшая школа, 1978. С. 241 - 251.